

Дмитрий ЧЕРНЯКОВ:

Известия. - 2001. - 22 янв. - с. 8

У меня было маниакальное желание поставить оперу «Китеж»

В Мариинском театре премьера — «Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова. Ставит оперу молодой московский режиссер Дмитрий Черняков, выступающий также и в амплу художника-сценографа. Петербург Достоевского, пространство Босха и город Добужинского — таков, судя по макету, «видеоряд» спектакля. Тени канувших в Лету (или под лед невидимого озера?), заброшенный двор-колодец современного Питера и контуры на его стенах снесенных зданий прошлого. «Я подсмотрел этот образ на пустыре у Московского вокзала», — признался Черняков. Знали бы строители несостоявшейся высокоскоростной магистрали, на какие высокие аллюзии толкнуло художника их разрушительное творчество! Все порастает травой, и сквозь траву, кажется, вновь пробивается жизнь... На первом плане — мгновенно растворяющиеся в начале каждой сценической картины полотна Васнецова и Коровина.

— Премьера «Китежа» состоялась в 1907 году в Мариинском театре в декорациях Корovina и Васнецова. Мы сознательно «цитируем» их, делая плоские занавесы, предвещающие каждую картину нынешней постановки. Это цитирование — перекличка времен. Кто знает, какое из них выйдет на первый план...

— За последние несколько лет это уже третья постановка «Китежа» в Мариинском театре, не считая концертных исполнений...

— А для меня эта опера — творческая «идея фикс». Я дважды собирался ставить ее — не в Петербурге, — но все как-то срывалось по не зависящим от меня причинам. И я получил: значит, еще не время... Мы с Валерием Гергиевым познакомились предельно — именно для постановки этого сочинения. Это было год назад. Он, возможно, знал о моем давнем желании, но никаких «авансов» не давал: мы несколько раз

встречались, обсуждая постановку. Единственное мое условие было — я сам буду контролировать всю «среду» спектакля, в том числе и визуальную.

— Вы ведь уже далеко не в первый раз делаете костюмы и декорации для своих постановок.

— Я просто начинаю проникать в пространство театрального текста с осознания пространств, фактур, цветов. Мне важно быть изобретателем этого пространства. А потом в него вселяется жизнь. И в сентябре я готов был показать ему все то, что придумал. Я привез в Петербург макет спектакля. И при занятости Гергиева, при краткосрочности его визитов в Петербург я считаю, что мне очень повезло. Мы смотрели его долго, часов шесть. Гергиев интересовался всем — до мелочей. Мне было важно, чтобы меня поняли — тоже до мелочей. Его резюме было для меня радостным: он сказал «Да».

— Спектакль пойдет без ку-
пюр?

— Без. Мы открыли все купюры советского времени. «Чистой» музыки 3 часа 10 минут. В советское время даже текст меняли, поскольку религиозная тематика, мягко говоря, не приветствовалась. Естественно, «цензурировали» и музыку, убирая куски «неблагонадежных сплен».

— Как вам работается с Мариинкой — это ведь ваш первый опыт?

— Когда приезжает Валерий Гергиев, театральная жизнь приобретает нечеловеческие обороты. Я созерцатель, боюсь спонтанности, импульсивности. Но с Гергиевым она захватывающе интересна. Что до исполнителей, то они все очень... отзывчивые. С ними проблем нет.

— А с собой?

— Еще какие! И все проблемы процедурно-производственные — мелочь перед изматывающей рефлексией. Я стал вассалом «Китежа» с детства. Помню, что когда звучали колокола при вхождении в невидимый Китеж, меня охватывал шемящий ужас. Маниакальное желание поставить эту оперу — отсюда, из детства. Я, повзрослев, стал его изучать, собирать все записи, которых, кстати, немного. Я прихожу в гостиницу и ногами смотрю в окно — на Крюков канал. Ночной город, какие-то тени, мерцания, шум. Именно в Петербурге все видится по-другому. Мне ка-

Отзыв нашего музыкального обозревателя на премьеру читайте в следующем номере.

Валерий Гергиев:

Пути к успеху, как и сам «град Китеж», невидимы, неисповедимы — мы идем на ощупь. Есть риск и интерес. Как мне кажется, очень интересно работает постановщик — Дмитрий Черняков. Предыдущие постановки принесли нам успех, но в основном благодаря вокально-симфоническим ресурсам театра. В сценическом же отношении эта опера пока по-прежнему загадка. Это вопрос сложнейший — без налета мистики. Духовное содержание этой оперы, ее театральная сущность будет будоражить души всех крупных театрово-музыкальных художников. Это очень важная для нас постановка, мы очень хотим, чтобы она была успешной. Сделав много для возвращения в Россию Вагнера, занимаясь Верди и Моцартом, мы совершенно не собираемся отодвигать на второй план постижение русской музыки.

жется иногда, что Феврония — это Соня, а Гришка — Свидригайлов. Вы знаете, я думаю, что, ставя «Китеж», нельзя не страдать, здесь не может быть беззаботности. У меня и сейчас нет уверенности в том, что я скажу все, что внутри меня, что я знаю все... Может, еще лет через пятнадцать вернусь сюда — в невидимый град.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург